

Соблазнительные рассказы

**Троллейбус
№47**

**Лиза
Феромонова**

18+

18+

Лиза Феромонова

Троллейбус N47

«Автор»

2026

Феромонова Л.

Троллейбус N47 / Л. Феромонова — «Автор», 2026

— Эй? — Раздался тихий мужской голос. — Здесь кто-то есть? Кира сжалась в комок, вжавшись в спинку сиденья. — Я я не причину вреда, — продолжил голос, и в нём не было ни капли агрессии, скорее — лёгкое удивление. — Я просто... зашёл погреться. Кира молчала, лихорадочно соображая, что делать. Бежать? Кричать? Но куда бежать в этот час ночи? И кто её услышит? — Слушайте, — голос стал чуть мягче, в нём появились нотки улыбки. — Я понимаю, ситуация идиотская. Я думал, это будет мой личный отель на ночь. А тут... Вы. Может, познакомимся? Кто Вы? Мужчина немного помолчал, а затем продолжил: — Нет? Не хотите знакомиться? Давайте тогда так: я просто посижу тут, на водительском месте, а Вы останетесь там... где Вам удобно. И мы сделаем вид, что не знаем друг о друге. Вы не против? В тоне его голоса было столько иронии и спокойствия, что страх Киры начал отступать. — А ты кто? Голос хмыкнул: — Ну, скажем так, кондуктор. А ты? Пассажирка-безбилетница? Прячешься от кого-то? — От жизни...

Содержание

Глава 1. День рождения, который не задался с утра	5
Глава 2. Ковчег одиночества №47	7
Глава 3. Утро новой жизни	10
Глава 4. Лето в ритме нон-стоп	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Лиза Феромонова

Троллейбус N47

Глава 1. День рождения, который не задался с утра

Восемнадцать лет. Возраст, когда ты уже достаточно взрослая, чтобы нести уголовную ответственность, но всё ещё слишком маленькая, чтобы иметь право на своё мнение в глазах собственной матери. По крайней мере, так считала Марина Сергеевна, стоя в дверях кухни и глядя на дочь с выражением лица, которое обычно приберегают для щенка, сделавшего лужу на ковре.

Кира сидела за столом,ковыряя вилкой утренний омлет (единственное, на что сподобилась мама в качестве праздничного завтрака в честь совершеннолетия). В ушах у неё всё ещё звучали аккорды любимой группы с выпускного, который был три недели назад, а в голове роились планы на сегодняшний вечер: родственники, пара друзей, торт, возможно, первый легальный бокал шампанского. Мечты разбились о чугунную сковородку материнской мудрости.

— Я не понимаю, — голос Марины Сергеевны дрожал от праведного гнева. — Я тебя растила, ночей не спала, а ты? На что ты стала похожа? В комнате бардак, в мозгах пустота. О будущем совершенно не думаешь!!! Да ты даже самое дорогое не уберегла!

Кира подняла глаза. В них читалась вселенская усталость. Этот разговор повторялся с выпускного уже в который раз, и с каждым разом аргументы мамы становились всё более... экзотическими.

— Мам, это был всего лишь поцелуй. На прощание. — Привычно соврала Кира.

— Не лги мне! — Мать театрально всплеснула руками. — Я же вижу! Ты стала другой! Взгляд потухший! Это всё он! Этот... как его... Вадик!

Вадик был отличником и маменькиным сынком, который на выпускном боялся взять Киру даже за руку, не то что за что-то более «дорогое». Но логика Марины Сергеевны была непоколебима, как Великая Китайская стена. И, если быть до конца честной, мать была недалеко от истины, вот только винила в потери девичьей чести не того. Негласный лидер класса — Митя. Мэтт, как он себя называл, подарил ей первые неловкие ласки, пока Вадик ждал её у дверей женского туалета...

— И вот так ты начинаешь взрослую жизнь? — Не унималась мать. — С пустого места? Я думала, ты поступишь, выучишься, человеком станешь... А ты? Ты же теперь никому не будешь нужна! Кто тебя такую замуж возьмёт?

У Киры было своё мнение по этому поводу, но она благоразумно промолчала, не став доносить его до Марины Сергеевны.

Девушка, вздохнув, отложила вилку. Аппетит пропал окончательно.

— Какую «такую», мам?

Марина Сергеевна подошла ближе и нависла над дочерью, как грозовая туча.

— Такую! Бесприданницу! Ни ума, ни чести! Так и будешь висеть на моей шее до самой моей пенсии, если не до своей! А дом? А семья? Внуков мне что, нянчить от первого встречного-поперечного?

Это было последней каплей. Обида, досада и восемнадцать лет подавленной подростковой ярости смешались в один взрывоопасный коктейль.

— Спасибо за поздравление, мам! — Кира вскочила из-за стола. — С днём рождения меня!

Она схватила со спинки стула джинсовку и направилась к двери.

— Ты куда?! А гости вечером?! Тётя Света придёт!

— Передай тётё Свете привет! — Крикнула Кира уже из прихожей. — Скажи, что я ушла искать работу, чтобы не висеть у вас на шее до пенсии!

Хлопнула входная дверь. Эхо ещё долго гуляло по лестничной клетке.

На улице было солнечно и шумно. Город жил своей жизнью, и никому не было дела до того, что у Киры сегодня день рождения, который незаметно превратился в кошмар. Идти было некуда. После шашней с Митей-Мэттом подруг у неё не осталось. Зависть развела.

Она брела по улице, глотая слёзы обиды.

«До пенсии... До пенсии!» — Стучало в висках.

Кира бродила до самых сумерек. Обида не утихала, а только становилась всё сильнее. Похолодало, но домой возвращаться не хотелось! Надо было искать место для ночлега.

И тут её взгляд упал на вереницу троллейбусов, стоявших у ворот депо. Это было старое маленькое депо в самом центре города, в которое вмещались не все троллейбусы. Те, которым не хватало места, не заезжали внутрь на ночь. Некоторые оставались снаружи, припаркованные вдоль забора и дальше до соседней улицы, где они поворачивали на круг. Вот оно - идеальное место для того, чтобы спрятаться от мира, подумать о вечном и... поплакать в одиночестве.

Здесь она и проведёт ночь.

Кира огляделась по сторонам и, убедившись, что никто из знакомых её не видит (позор-то какой!), ловко перемахнула через невысокий заборчик и юркнула в ближайший троллейбус номер «47». Задние двери были закрыты, а вот передняя - со стороны водителя была приоткрыта — видимо, для летней вентиляции.

Внутри пахло пылью, озоном от проводов и... свободой. Кира забралась на заднее сиденье, свернулась калачиком, накрылась своей джинсовкой и закрыла глаза. *«С днём рождения, Кира»*, — горько усмехнулась девушка про себя. *«Теперь ты официально взрослая. И имеешь полное право ночевать, как бомж»*.

Глава 2. Ковчег одиночества №47

Кира проснулась от холода. Металлический корпус троллейбуса к полуночи остыл, и тонкая джинсовка совсем не спасала. Но не это было самое неприятное. Рядом, в нескольких рядах от неё, кто-то был. Она услышала тихий шорох, а затем звук, с которым обычно ставят на пол что-то тяжёлое.

Сон как рукой сняло. Сердце ухнуло куда-то в пятки. Она громко охнула, приняв сидячее положение, и, сразу испугавшись, замерла, стараясь даже не дышать. В салоне было темно, хоть глаз выколи. Только тусклый свет далёкого фонаря пробивался сквозь лобовое стекло, рисуя на полу зыбкие тени.

— Эй? — Раздался тихий мужской голос. — Здесь кто-то есть?

Кира сжалась в комок, вжавшись в спинку сиденья.

— Я... я не причиню вреда, — продолжил голос, и в нём не было ни капли агрессии, скорее — лёгкое удивление. — Я просто... зашёл погреться.

Кира молчала, лихорадочно соображая, что делать. Бежать? Кричать? Но куда бежать в этот час ночи? И кто её услышит?

— Слушайте, — голос стал чуть мягче, в нём появились нотки улыбки. — Я понимаю, ситуация идиотская. Я думал, это будет мой личный отель на ночь. А тут... Вы. Может, познакомимся? Кто Вы?

Мужчина немного помолчал, а затем продолжил:

— Нет? Не хотите знакомиться? Давайте тогда так: я просто посижу тут, на водительском месте, а Вы останетесь там... где Вам удобно. И мы сделаем вид, что не знаем друг о друге. Вы не против?

В тоне его голоса было столько иронии и спокойствия, что страх Киры начал отступать. На смену ему пришло жгучее любопытство.

— А ты кто? — Тихо спросила она в темноту.

Голос хмыкнул:

— Я? Ну, скажем так... Кондуктор. А Вы... ты? Пассажира-безбилетница?

Кира невольно улыбнулась:

— Почти. Я... впервые так ночью...

— Прячешься от кого-то? От контролёров? — Неловко пошутил мужчина.

— От жизни, — буркнула Кира, и сама удивилась своей откровенности.

Голос тихо рассмеялся.

— Ого. Это серьёзно. Ну, раз уж мы оба тут прячемся... может, всё-таки познакомимся? Меня зовут Гера.

Кира немного помолчала, а потом решила:

— К... Мира. — Зачем-то девушка изменила первую букву своего имени.

И тут плотину прорвало. Словно сама темнота салона троллейбуса, отрезанная от остального мира, стала исповедальней. Они говорили обо всём и ни о чём.

Гера оказался очень интересным собеседником. Он рассказал, что его отец был водителем троллейбуса. После смены он часто оставался ночевать в депо, потому что ехать домой из одного конца города в другой было лень, а маленький Гера скучал и часто ждал отца до ночи, не отходя от двери. А когда отец всё же был дома, он рассказывал сыну безумные истории о сумасшедших пассажирах, например, о том, как однажды ночью через весь город вёз целую перегулявшую пьяную свадьбу, переставляя штанги на пересечении с одного маршрута на другой. И как под конец поездки невеста решила уйти к свидетелю. Придумывал ли он эти истории, или они происходили в реальности, теперь и не узнать...

Кира слушала голос — низкий, с лёгкой хрипотцой — и в ответ рассказывала свои истории. Про маму, про выпускной, на котором она лишилась девственности (про что Гера сказал: «Да забей, все через это проходят, лучше так, чем остаться старой девой»), про обиду на мать и про то, что ей сегодня исполнилось восемнадцать, а она чувствует себя самым одиноким человеком на планете.

— Восемнадцать — это круто, — сказал Гера. — Это свобода. А то, что мама бесится... это классика жанра. Она просто боится за тебя. И боится тебя отпустить. Представь: восемнадцать лет она была главной женщиной в твоей жизни, а теперь ты уже взрослая. Для неё это стресс.

Кира шмыгнула носом:

— Она сказала, что я буду висеть у неё на шее до пенсии...

Гера фыркнул:

— Глупости. Ты же не вещь, чтобы висеть. Ты человек. У тебя вся жизнь впереди.

Они говорили долго. Гера о своих мечтах (он хотел купить старую «Тойоту Марк-2» и восстановить её), Кира о своих страхах (она и правда боялась не оправдать ожиданий матери), о музыке. Оказалось, им нравятся одни и те же группы.

В какой-то момент повисла пауза. Тишина перестала быть напряжённой, она стала уютной, наполненной общим смыслом.

— Мира? — Тихо позвал Гера из темноты.

— Да?

— Ты... очень красивая.

— Откуда ты знаешь? Здесь же темно? - Кира почувствовала, как щёки заливают румянец, хотя в темноте этого никто не видел. — Ты меня даже не видишь... — Девушка громко хмыкнула.

— Я слышу твой голос. - Отозвался Гера - Этого вполне достаточно, чтобы понять, что ты очень красивая!

Кира услышала шорох одежды. Гера встал со своего места и медленно пошёл по проходу к ней. Его ботинки глухо стучали по резиновому коврику.

Мужчина остановился перед её сиденьем. Кира подняла голову. В полумраке она видела лишь силуэт — широкие плечи, взъерошенные волосы.

Он протянул руку и очень осторожно коснулся её щеки костяшками пальцев. Прикосновение было лёгким, как пёрышко.

— Можно? — Выдохнул он.

— Что? — Не поняла девушка.

А в следующее мгновение просто подалась вперёд и нашла в темноте его губы.

Это был поцелуй-откровение. Поцелуй-награда за смелость. Он был солёным от её недавних слёз и терпким от его дыхания. Его руки зарылись в её волосы, притягивая ближе, а она обхватила его за шею, боясь отпустить.

Весь мир сузился до размеров заднего сиденья троллейбуса №47. Исчезли обиды, страхи и проблемы. Остались только он и она. Два незнакомца в ночи, которые вдруг стали самыми близкими людьми на свете.

Он ласкал её губы, пока они не начали пульсировать в такт её сердцу. Он брал её рот упрямым и терпким языком, погружаясь в его влажные глубины под сладкие постанывания девушки. Они оба и не заметили, как между ними не осталось преград в виде одежды. Кожа к коже. Как в последний раз. Два смертника, ослепших от одиночества. Потом Гера спустился ниже, чтобы исследовать языком её нежную ракушку, и Кира улетела куда-то в космос. Жалкие потуги Мити на выпускном стёрлись из её памяти за одно мгновение. Галактика внизу живота скручивалась в тугий узел, пока в голове рождался целый новый мир. Там радужными всполо-

хами вспыхивали звёзды, разнося жар по телу. Взрывы сверхновых подвели девушку к самому краю, заставив молить Геру о продолжении.

— Пожалуйста, ну, пожалуйста, — почти кричала Кира перед тем, как отважиться на прыжок в чёрную дыру блаженства, которое она испытала первый раз в жизни!!!

А потом она прикорнула в его объятиях.

Кира проснулась, когда за окном ещё было темно. Она осторожно, стараясь не издать ни звука, села и спустила ноги на холодный грязный пол троллейбуса. Пол скрипнул. Она замерла. Но Гера не пошевелился.

Нужно было уходить. Прямо сейчас. Пока он не проснулся. Пока не пришлось придумать слова для неловкого прощания. Пока эта волшебная ночь не превратилась в утреннюю мелодраму с обменом номерами телефонов и обещаниями «созвониться», которые никто не собирается выполнять.

Она быстро натянула джинсы, схватила куртку и на цыпочках пошла к выходу. Убегая, девушка споткнулась о чемодан Геры, который стоял на проходе. Мужчина пробормотал что-то во сне. Дверь со скрежетом поддалась. Холодный утренний воздух ударил в лицо, отрезвляя лучше любого душа.

Кира выскользнула из троллейбуса и побежала прочь от депо, не оглядываясь. Домой. Туда, где всё началось и где теперь всё должно было закончиться. Но благодаря Гере этот новый день обещал стать совсем другим. И Кира твёрдо решила поступить на заочное, устроиться на работу и переехать от матери на съёмную квартиру.

Глава 3. Утро новой жизни

Первые лучи рассвета были холодными и безжалостными. Они беспощадно разогнали уютную темноту, которая прошлой ночью казалась такой безопасной и интимной. Кира почти бежала по пустынным улицам и думала о том, что совсем недавно обнимала спящего рядом парня и чувствовала, как её сердце сладко замирает. Гера (она так и не узнала его фамилию) спал на спине, закинув руку за голову. Его дыхание было ровным и глубоким. В утренних сумерках она смогла разглядеть его силуэт: широкие плечи, тёмные волосы, упавшие на лоб. Но лица... лица она так и не увидела. Оно осталось в тени, загадкой, тайной её восемнадцатилетия.

Но всё это была ошибка. Прекрасная, волшебная, невероятная ошибка. Ночь, проведённая с почти незнакомым человеком, была похожа на сбывшийся сон. Он был нежным, внимательным, смешным. Они говорили обо всём на свете, и его голос убаюкивал её страхи. Но сейчас... сейчас наступало утро.

Ключ в замке входной двери повернулся удивительно тихо. Кира затаила дыхание, готовая к новой порции материнских упрёков. Но в квартире было тихо. Только из спальни доносился приглушённый храп отца — он всегда спал по утрам после ночной смены.

Мама сидела на кухне. Перед ней стояла остывшая чашка чая и лежал надкушенный бутерброд с колбасой. Она выглядела уставшей и постаревшей.

Услышав шаги, Марина Сергеевна резко обернулась. В её глазах мелькнуло удивление, затем облегчение, а потом... вина.

— Кира? — Голос матери дрогнул. — Слава богу!

Кира остановилась в дверях кухни. Она смотрела на мать — на её ссутуленные плечи, на морщинки у глаз, которых она раньше не замечала.

— Я вернулась, — тихо сказала она.

Мать встала, сделала шаг к ней и замерла.

— Я... я звонила всем. Я думала... я не знала, что и думать. Где тебя искать...

Кира прошла в кухню и села напротив неё.

— Я ночевала в троллейбусе.

Мать ахнула:

— Что?! Ты с ума сошла?! Это же опасно!

В её голосе было столько неподдельного ужаса и заботы, что Кире стало стыдно за свою вчерашнюю обиду.

— Мам... — она взяла мать за руку. Рука была холодной и дрожала. — Прости меня за вчерашнее.

Мать посмотрела на их сцепленные руки, и по её щеке скатилась слеза.

— Это ты меня прости. Я... я наговорила ужасных вещей. Я просто испугалась. Ты стала такой взрослой... а я всё ещё вижу тебя той маленькой девочкой в бантиках.

Они обнялись прямо там, на кухне. Крепко-крепко.

— Я больше не буду висеть у тебя на шее, — прошептала Кира ей в плечо.

Мать отстранилась и посмотрела ей в глаза:

— Ты никогда и не висела. Просто я не заметила, как ты выросла.

Спустя час на кухне кипела жизнь. Мать жарила блины — единственное блюдо, которое Кира любила с детства. Запах кофе наполнял квартиру уютом.

— Значит так, — деловито заявила Кира, уплетая третий блин со сгущёнкой (диета подождет). — У меня есть план.

Мать удивлённо вскинула брови:

— Какой план?

Кира с горячем блином во рту продолжала:

— Да! Я поваю вокументы в фолледж на ваошное овделение на экономифеский... - она быстро дожевала остатки блина, - факультет. Там есть бюджетные места. Буду учиться и работать одновременно.

— А жить? Где ты будешь жить?

Кира улыбнулась:

— Сниму комнату. Я уже списалась с Анькой. Она хочет уйти из общаги и ищет соседку, чтобы платить меньше.

Мать смотрела на неё с гордостью и лёгкой грустью:

— Точно хочешь уехать из дома? Ты и правда повзрослела за одну ночь...

Кира загадочно улыбнулась в чашку с кофе. Эта ночь действительно всё изменила. Она научила её главному: иногда нужно убежать в темноту, чтобы потом вернуться к свету совершенно другим человеком.

А где-то там, в городе сотен тысяч лиц, парень по имени Гера искал девушку Миру. А её просто не существовало. А для Киры он остался парнем без лица, ставшим её первым шагом во взрослую жизнь. И она никогда его не забудет.

Глава 4. Лето в ритме нон-стоп

Лето пролетело в вихре формул и экономических терминов, которые поначалу казались Кире китайской грамотой. Мама, к её огромному удивлению, превратилась в идеального союзника для дочери. Она взяла на себя все бытовые заботы, пресекала попытки отца привлечь дочь к работе на даче и даже купила ей самый дорогой онлайн-курс для поступающих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.